

ОДНАЖДЫ БЫЛО ЛЕТО

1 * * *

Мокрые лапы дождя
легли на мои плечи.
Может быть, завтра тебя
на улице я встречу.
Кто-то вздохнет за спиной,
мне улыбнется прохожий.
Такой незнакомый, смешной,
чуть-чуть на тебя похожий...

Это в институте писала, большой был роман, слава богу односторонний.
Интереснее всего письма вспомнить – но их же раздаешь, они уходят. А отзвуки
остаются где-то на дне, под кучей событий. Никак их оттуда не выловишь.

2 * * *

Ночь без возраста
стоит, тиха и беззвездна,
теребит в пальцах
прошедшего дня выжатый лимон.
И тишина падает, падает на плечи,
и слишком поздно умирать.
И подкрадывается толстыми лапами сон.

Очень древнее стихотворение. Даже забыла, от какого времени. Помню, насчет
лимона серьезно переживала: не осудят ли. Но Вася одобрил.

3 * * *

Когда-нибудь вспомним, смеясь и тоскуя,
тот ясный и ветренный солнечный день,
безмолвные горы и землю сухую,
ушедшего друга незримую тень...

Это про открытие музея Минаса в Армении, в горах, в деревне, где он родился.
Большая тогда толпа собралась, в диких совершенно горах, и женщина пела,

знаменитая оперная певица. Специально приехала – и вот, просто стояла на камне, и пела. И голос ее рвался на ветру, и покрывало синее летело. А горы были рыжие и шерстяные.

Когда мне было 3 года, Минас меня рисовал. Только я все время вертелась.

4 * * *

Ты не умеешь прощать,
я не умею любить.
Я бы хотела – летать.
Ты бы хотел – забыть.
В комнате той – ночь,
а за окном – синь.
Ты захотел – дочь,
а родился – сын.
Катится жизнь вкось
тянет к себе – мрак.
Сломана тонкая ось.
Кто захотел – так?

Ужасный был скандал дома. Это еще тогда самый первый был у меня муж, зимой. И я ушла, страшно хлопнув дверью. Вся такая красивая, в шубе. И на вокзале потом стихи сочиняла, ночью. А писать негде было, так что думать приходилось в голове. А под утро я ехала домой на попутной бетономешалке, смеялась о чем-то и повторяла слова, чтоб не потерялись.

5 * * *

Он ревновал меня к архитектору Шехтелю,
к работе, к стихам, которые я пишу.
Ревновал к моим снам, к стилю gothique,
к воздуху, которым дышу.

Не давал жить. Ночами врываясь синими,
превращал меня в свой эскиз.
Жизнь моя уходила в линии,
небрежно брошенные на лист.

Он рвался ко мне, он хрипел и требовал.
В телефонной трубке голос его был всегда.
На сопротивление сил уже не было.
Я повторяла яростно: нет. Убирайся. Да.

Так хотелось уйти. Не быть отравленной.
Я хватала трубку, оскаливала слова.
Но меня уже не было вне этого пламени.
Вплавленная в него, я жила.

Никогда не боялась быть брошенной.
Я знала – бросить меня нельзя.
Оказалось, явившись непрошенной,
Первой уходит любовь, не я.

Я могу «без...». Даже оставленной.
– Абонент спит, – каменеют слова.
Телефон молчит. Я отравлена.
И уже не чувствую, что жива.

Стихи еще можно как-то восстановить, там же рифмы. А тексты потеряны. Я ими не дорожила никогда, записывала на всяких огрызках. Для меня это просто фан всегда был, это не было что-то серьезное, вот как полагается – сесть, за стол, по-писательски, и чего-то очень мудрое миру поведать. Это же не считается стихами, если просто взять и написать. Надо ж помучиться обязательно. Слова подбирать. Головой пухнуть. Метаться там, по улице темной.

6 * * *

Смещая время, путая века
плывет над городом ночным
в пространстве зыбком
непостижима, отрешенна, далека
средневековая мелодия для скрипки.
Подвыпившие топчутся бомжи,
вздыхнув, случайный слушатель уходит.
И рвется, размыкается, дрожит
мелодия в подземном переходе.

Потом, когда умер Вася, и некому стало рассказывать все интересное, – а я всегда приберегала, чтоб поржать вместе – все равно запоминала, по привычке. Иногда в лекции вставляла. А уже когда мыло появилось, просто в письма это все упало, и стало постепенно собираться.

7 * * *

Едва-едва
текут слова,
себя не зная.
Ночь отдает
свои права –
опять светает.
Строка бесцветна
как слеза,
слезает платье.

Упасть в провал,
открыть глаза,
разжать объятье.
Начав играть,
забыть мотив
и тут же сдатьсь.
В распахнутую
дверь войти –
и не остаться.
Разбить стекло
и полететь
в косую пропасть.
Забыв дышать,
на слове «смерть»
оставить пропуск.

8 * * *

Молчи, молчи. Тени в углу,
трещины слов на листе, рыжее пламя.
Нет никого, слово сказать кому.
Теперь тишина, и ночь: она не обманет.
Прочь. Сегодня, сейчас, навсегда.
Линия лжет и обрывается безнадежно.
Взглядом упершись в ночь, немая беда
холодными пальцами трогает темноту осторожно.

Мне всегда казалось, что стихи, настоящие, это какое-то священнодействие. Занятие для небожителей. Хотя написать чего-то рифмованное на самом деле не трудно. А вот чтобы поэзия там зазвенела, это же нельзя задумать, да? Вечность, она или коснется тебя, или минует. А ты тут просто струна для ветра.

9 * * *

Точка ничтожности: пятница.
Время жечь корабли.
День, истекая, пятится
в темную половину Земли.

– Зачем ты здесь?
– Вестница!
– Обмотал лоб... Не дрожи!
– В небо... оборвана лестница...
– Вот хлеб. Держи.
– Невеста моя... Страница... Не плачь по мне. Обними.

Сбывается страстная пятница.
Линия смерти летит к сердцу Земли.

Вообще меня это конечно интересует, эволюция. Мне не кажется, что я пишу все лучше. Но когда читаю старые вещи, вижу, что они другие. Не могу уже их касаться, той женщины больше нет. Хотя вот Пастернак полез, говорят, свои юношеские стихи поправлять, безумной старческой рукой. Но Пастернак тут не образец – вкус у него был дурной.

10 * * *

Болит? Не болит? Уходи,пусти,
смотри – руки пусты.
Мне на север, летят сны, прости,
я на дне лежу, жду весны.

Стиснул, стучит: чей висок?
Лови слова – бросай-жди,
внутри горит – тяжел песок,
настежь голова – стреляй-жги.

Бежать, дай лед,
кулак в дверь, стрела вкось,
дыры лиц – влет,
уйди вверх, догнала слова –
Прощай, гость.

Хорошо пройтись колесом солнечным утром по росистой травке, и знать, что впереди расстилается веселый летний день, полный солнца и счастья, и ощущать свое легкое и бессмертное тело, почти оторвавшееся уже от земли.

Я уезжала с дачи в институт, и бежала босиком по июньской лужайке с босоножками в руке к автобусной остановке. Соломенная сумка хлопала по ногам, а волосы мои были длинные и пепельные. Я только что поступила в аспирантуру, и ехала в институт, принимать экзамены. Этот праздник все еще длится.